

ФУТУРОЛОГИ

На улицах Москвы, пожалуй, каждый второй прохожий мужчина был в шинели или гимнастерке с погонями или без погон...

И еще очень многие — в куртках на вате, которые называли не фуфайками, а ватниками. До войны фуфайками именовались вязаные кофты, нынешние свитера.

Я шел в тот сентябрьский прохладный денек в старом драповом пальто, чудом сохранившемся среди многих нерастащенных вещей в комнате в Ростовском переулке, где жил до отъезда на фронт. В шинели без погон, еще не демобилизованному официально офицеру, мне не хотелось появляться на улицах. Слишком часто нужно было бы козырять старшим по званию. Старшие офицеры — от подполковников до генералов — встречались в то время на улице Горького поминутно...

Но на углу у здания Центрального телеграфа с удовольствием козырнул коренастому полковнику с каштановой бородкой и озорными веселыми глазами... Он заулыбался, подошел, пожал руку, потом полуобнял...

— Живой-здоровый? Рад встрече. Как раз сегодня вспоминал вас. С Охотниковым... Он в Москву перебрался... Решил стать писателем... Способный он товарищ!

Это был Александр Петрович Казанцев...

Мы познакомились с ним четыре года тому назад. На обсуждении его научно-фантастического романа

«Пылающий остров», в так называемом «группкоме писателей» при издательстве «Молодая гвардия». Было такое объединение литераторов под флагом профсоюза работников культуры.

Забегая немного вперед, сообщу читателям, что через год этот «группком» преобразовался в Горком детских и юношеских писателей при ЦК профсоюза работников культуры, а меня избрали его председателем!...

— Есть у вас немного свободного времени? — спросил после обмена еще двумя-тремя «информационными» фразами Казанцев.

Дел тогда в Москве у меня было совсем мало. По существу, я находился в отпуске перед скорой, я надеялся, демобилизацией из армии...

— Есть у меня время, товарищ полковник!

— Тогда пошли... Есть мороженое! Вот напротив только что открылось коммерческое кафе. Согласны?

В кафе «Мороженое» мы поднялись на второй этаж или, точнее, антресоли и заняли столик в дальнем углу у окна. Стол был покрыт чистой белой скатертью. Кресла вокруг удобные, полумягкие. На окне шелковые занавеси. Сто лет мне не приходилось расположиться в такой цивилизованной обстановке! Непроизвольно улыбаясь, я разглядывал Казанцева, пока он с серьезным видом заказывал мороженое и коктейли...

Вспомнилось, что перед войной он, инженер, победил по конкурсу по проекту всего электрического оборудования павильона советской выставки в Париже. Того самого павильона, который украсила бессмертная скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница». И еще я вспомнил, что его первый научно-фантастический роман «Пылающий остров» стал одним из самых читаемых произведений того времени. Это был роман-пред-

¹ См. рассказ в этой книжке: «Улица Огарева, 3, во дворе».

упреждение о возможной гибели человечества. Герой его — некий магнат-бизнесмен, стремясь подчинить себе человечество, поставил его под угрозу «сжечь» атмосферу Земли... Магнат этот, по существу, был аналог Гитлеру...

— Ну, а теперь рассказывай, как прошел дорогами войны, Виктор, — сказал приказным тоном Казанцев, когда официантка отошла. Он обратился ко мне на «ты» впервые и совсем не как старший по званию.

— Хорошо. А потом — расскажешь ты, Саша! — ответил я...

В этот момент и родилась наша дружба-товарищество и живет до сих дней... Сорок пять лет...

— Осенью сорок первого, вернувшись из командировки под Ростовом-на-Дону, — начал я, — был в Москве. Пришлось организовать «Московское бюро» правления Союза писателей. Чтобы те члены союза, которые оставались в столице, помогли ее обороне... Потом служил в действующей армии на Волховском и Ленинградском фронтах... После выхода из войны Финляндии прошел с нашей 59-й армией путь от Сандомирского плацдарма на Висле в Польше до Праги. Ранило на Волхове... Тяжело контузило на подступах к Верхней Силезии, у Катовиц... В общем, заставлял себя не трусить. Сейчас еще числюсь в кадрах в Ставропольском военном округе, сформированном на базе штарма нашей армии... В столице в отпуске.

— А я в вашей армии побывал... На Волхове, — прервал меня Казанцев. — Устраивал там хитрые штучки в полосе обороны... Извини, продолжай.

— Я слышал у нас в оперотделе, что ты появлялся... Но как раз тогда лежал в госпитале...

— Извини еще раз, что прервал тебя. Продолжай...

— Надеюсь, скоро демобилизуюсь. Предлагают работать в Москве. Главным редактором «Профиздата».

Женился. Ну, вот и все... Теперь твоя очередь исповедаться...

— К сожалению, о службе рассказывать ничего не могу... Полковник я липовый — по ГКО¹. А работаю в номерном «ящике»...

— Пишешь?

— Мало... Но желание, понимаешь, огромное... Опять же в области научной фантастики. Считаю, этот вид литературы очень, очень важен для... Для того чтобы призывать людей смело идти в будущее...

— Согласен. И сам так думаю... Ну, а о войне — писать не могу. Не могу и все. Там, на фронте — для армейской и фронтовых газет писал много. — И похвастал:

— Целую палку вырезок сохранил очерков и рассказов о героизме наших воинов и т.д.

И вдруг Казанцев резко изменил тему беседы...

— Ты ведь, я помню, когда-то путешествовал с Куликом... Искал Тунгусский метеорит...

— Да, было дело. Давно! В двадцать восьмом году.

— Расскажи, что там, в тайге, видел... Где он упал или взорвался, этот метеорит? — И заказал еще мороженого.

В немногих словах я постарался описать ему картину следов страшной катастрофы, случившейся в тайге к северу от реки Подкаменная Тунгуска в глубине Красноярского края, в Эвенкийском районе... В 1908 году.

Очевидно, там над поверхностью Земли взорвался, затормозившись в атмосфере, прилетевший из космического пространства крупный, может быть, в миллион тонн, небесный скиталец. Воздушная ударная волна после взрыва свалила вековой таежный лес на площади, наверное, более тысячи квадратных километров. Причем от центра дерева повалены по радиусам в разные стороны. И опалил этот взрыв все кругом... Тунгусы

¹ ГКО — Государственный Комитет Обороны.

считают, что на Землю прилетал бог грома Агды. Были жертвы в их становищах. Погибло много домашних оленей...

Мы с Леонидом Алексеевичем Куликом и четырьмя рабочими с трудом добрались к «стране мертвого леса» по реке Хушмо. В широкой котловине меж сопок сделали геодезическую съемку местности. Искали осколки метеорита... Но ни одного осколка не нашли. Кулик убежден, что они вбились в торфянистую землю болот котловины. Потом он еще дважды организовывал туда экспедиции, хотя это было нелегко, ведь место падения почти в тысяче километров от Транссибирской железной дороги. Туда трудно добраться. Однако снова ученый осколков не нашел. Ни одного. Будут ли еще искать их — не знаю... Леонид Алексеевич в войну вступил в ополчение, был ранен, попал в плен и погиб там... Мне сообщила его дочь, что якобы найдена его могила и будет перезахоронение в городок Спас-Демянск...

Казанцев слушал рассказ о путешествии к месту падения Тунгусского метеорита, не прерывал меня ни одним вопросом, с напряженным вниманием.

— Спасибо, Виктор. Большое спасибо. Разреши, на днях позвоню... Может быть, будут у меня к тебе вопросы на эту тему...

— К сожалению, нет у меня сейчас телефона. К тому же на днях уеду в Ставрополь. Вернусь, наверное, скоро... Дай свой телефон — позвоню.

И вдруг Казанцев спросил:

— А как твое мнение по поводу того, что американцы учинили атомную бомбежку в Хиросиме и Нагасаки?

— Думаю, что это зверство и что наступила новая эра в истории человечества.

— Верно! Ну, будь здоров!

...Позвонить Александру Петровичу пришлось лишь в феврале следующего года, после демобилизации

с инвалидностью по III группе (из-за контузии на подступах к Силезии) и возвращении в Москву пенсионером.

Однако это обстоятельство не помешало мне сразу же принять не отмененное приглашение работать в «Профиздате». Там было много дел. Поначалу раньше девяти-десяти вечера я не освобождался.

— Казанцев у телефона... Сытин? Виктор?.. Приехал в Москву насовсем? Отлично! Может быть, заедешь? Адрес... Если не сможешь, найди журнал номер... Там мой рассказ «Гость из космоса». Прочитаешь — поймешь, что виновник — ты!

Я, конечно, разыскал этот журнал. В нем был напечатан небольшой рассказ Казанцева, и в нем логично обосновывалась гипотеза о том, что Тунгусский метеорит был не «диким» небесным скитальцем из железа и никеля или каменным, как другие метеориты, а космическим кораблем инопланетян с атомным двигателем. Он почему-то потерпел катастрофу — взорвался над эвенкийской тайгой в Сибири. Этот рассказ был, пожалуй, первым литературным произведением после давних книг — романа Уэллса «Война миров», повести Циолковского «Вне Земли» и романа А. Беляева «Прыжок в ничто» — этих серьезных книг, а не спекулятивных, наивно-научных подделок, которые время от времени появлялись у нас и за границей на «классическую тему» о полетах в космос и встречах с инопланетными цивилизациями.

Предположение Казанцева о посещении Земли разумными существами высокоорганизованной цивилизации обогнавшей в науке и технике человечество на нашей планете, было заманчивым и впечатляющим. В его рассказе продолжалась, по существу, мысль, высказанная в «Борьбе миров»... С того времени Александр Петрович увлекся разработкой темы «пришельцев». В течение многих последующих лет он упорно

собирал различные сведения о «посещениях» Земли инопланетянами... Анализировал мифы, бытующие в памяти многих народов о «богах» или вообще каких-то существах, появившихся на нашей планете. Ведь в фольклоре есть сказания о таких посещениях... Впоследствии появились материальные, казалось, убедительные «свидетельства» этому. Писатель анализировал, например, открытие в горах Тассили пустыни Сахары, не так уж давно, всего тысяч десять лет назад бывшей цветущим краем, — наскальные рисунки, врезуемые в скалы населявшими его людьми. Среди пиктографических рисунков попадались и эскизные «картинки»: схематические очертания явно человеческих существ, одетых в странные, явно защитные одежды, то есть скафандры!

Через несколько лет в западных Андах, в Перу, были открыты якобы «космические аэродромы». На обширном плоскогорье ученые обнаружили многокилометровые полосы-борозды, расчерченные с большой точностью; их вполне можно было трактовать как ориентиры для посадки космических летательных аппаратов.

Казанцев обратил внимание и на то, что у некоторых народов испокон веков делают фигурки, очень похожие на людей, заключенных в скафандры. Например, для поясов в Японии издавна вырезают из камня фигуры-куколки, схожие со скафандрами. И т.д., и т.д. Разработка гипотезы о том, что нашу Землю посещали инопланетяне, заинтересовала, захватила умы и некоторых других писателей, а также ученых и особенно популяризаторов науки. Адептом идеи стали профессор Шкловский, доцент Зигель, а впоследствии и многие другие.

В пятидесятые-шестидесятые годы в печати стала появляться информация о «НЛО» — неопознанных или неизвестных летающих объектах в форме «тарелок», и даже встречах с какими-то существами, которых часто

называли «гуманоидами» — высадившимися из таких НЛО. Такие сообщения «подогревали» интерес к проблеме внеземных цивилизаций... Заинтересовались ею и военные ведомства — особенно в США. Но об этом далее.

Тем временем Александр Петрович Казанцев продолжал писать научно-фантастические романы. Общее направление его творчества в этой сфере было определенным... Убежденный в том, что прогресс человечества возможен только в том случае, если наука и техника будут интенсивно развиваться и решать крупные задачи, он использовал жанр научной фантастики для пропаганды этой идеи и создал ряд произведений — романов и повестей. В них человеческий разум дерзал и добивался успехов.

Среди новых романов Казанцева был, например, роман «Мол северный» о приобщении «к делу» мертвых просторов Арктики.

Но «космическую» тему он не забыл и написал роман «Фаэти». В нем он предложил читателю смелую гипотезу о том, что миллионы лет тому назад в Солнечной системе произошла гигантская катастрофа. Разрушалась, взорвалась одна из планет, вращавшаяся по своей орбите между Марсом и Юпитером... Из осколков ее образовался так называемый «пояс астероидов», продолжавших путь по материнской орбите вокруг Солнца. А часть осколков превратилась в метеориты. В том числе и Тунгусский метеорит, который мы искали с Куликом.

Но не это главное было в романе «Фаэти» (название он получил такое, потому что погибшая планета получила имя Фаэтон).

В своем произведении Казанцев предполагает, что населяли ее человекообразные, высокоцивилизованные существа, которые и были прапраародителями Человека!

Гипотеза писателя в основе своей имела идею, высказанную еще в прошлом веке шведским ученым — астрономом Сванте Аррениусом, смысл который в том, что жизнь на нашу планету была занесена из космоса, видимо, в форме простейших организмов на метеоритах!

Эта гипотеза до сих пор категорически не отвергнута современной наукой и получила название «панспермии».

...Оптимист в основе своего мировоззрения, Александр Петрович Казанцев, как я уже написал выше, глубоко убежден в примате науки и техники как главных двигателей прогресса человечества. Будущее наше, а точнее — наших потомков, он видит в великих свершениях разума, науки и техники и считает, что только этот путь может привести к всеобщему, гармоническому человеческому обществу на Земле.

Однажды, когда мы пили чай у него в небольшой квартирке на Ломоносовском проспекте и он показывал мне коллекцию японских фигурок «людей в скафандрах», зашла речь об этом будущем...

— Виктор, — сказал Александр Петрович, — ты секретарь парткома нашей московской организации писателей. (Дело было в начале пятидесятых.) Как ты согласишься на то, что я подам заявление о вступлении в Коммунистическую партию?

— Дам тебе рекомендацию! Без колебаний!

Александр Петрович смущенно и радостно улыбнулся...

— Спасибо... Большое... Понимаешь, я чувствую: в наши дни началась новая волна научно-технической революции... Могу быть полезен... Правда, с изобретательством у меня теперь дело почти не движется. Пишу... Но и как литератор смогу еще сделать кое-что, как пропагандист НТР... Для прихода этого будущего.

За свою долгую жизнь я дал мало рекомендаций. И ни об одной не жалею. Но той, которую написал сразу же, в тот вечер Казанцеву, по-хорошему горжусь...

Когда мы прощались, на лестничной площадке Александр Петрович обнял меня, прижался бородкой к щеке и тихо сказал:

— Еще раз — спасибо... Большое спасибо... Ты вторично становишься участником какого-то перелома в моей жизни... Помнишь кафе «Мороженое», в год Победы? Разговор о Тунгусском метеорите?

В тот же вечер — бывают необычайные совпадения! — уже поздно, часов в одиннадцать, зазвонил телефон на моем столе.

— Мне нужен Сытин, Виктор Александрович, — сказал кто-то уверенным, жестким голосом.

— Я у телефона.

— Говорит Корнеев. По поручению Королева.

Корнеева среди знакомых я не припомнил. И какой это Королев?

— Что вам угодно? От какого Королева поручение?

— Э-э-э... Королева... Э-э-э... Он приказал вас разыскать...

— Простите, от какого Королева? В чем дело?

Трубка несколько мгновений молчала.

Потом несколько неуверенным голосом этот отрекомендовавшийся Корнеевым мне неизвестный человек снова спросил:

— Так вы... такой-то?

И получив подтверждение, продолжал тихо, еле слышно:

— Королев, Сергей Павлович. Я его помощник. Он, повторяю, приказал разыскать вас срочно.

И снова вопрос:

— Вы были вместе с Куликом на месте падения Тунгусского метеорита?

— Да, был. Давно. Четверть века тому назад. Ну — и что?

И тут я вспомнил, кто такой этот Королев!

...Крепко сбитый, но стройный, подтянутый молодой человек — мой одноклассник — шагает туда-сюда по моей комнате и мы говорим о Циолковском, о работе реактивной секции Стратосферного комитета, коего в то время — середина тридцатых — я был заместителем председателя... Мой собеседник — заместитель начальника РККИИ — Реактивного научно-исследовательского института, созданного на основе ГИРДа¹, где строились первые советские ракеты, продолжая дело, начатое в этом ГИРДе. Королев приехал ко мне, потому что и в Стратосферном комитете начала работать секция «Реактивного движения», и наши «реактивщики» тоже строили и проектировали ракеты.

Впоследствии мы встречались с Королевым неоднократно. Я опубликовал рецензию на его книгу «Реактивный полет»... Он, в свою очередь, похвалил мою книгу «Стратосферный фронт», вышедшую в 1936 году...

Вскоре — через два года — Сергей попал под пресс преступных сталинских репрессий... Мы больше не встречались. Я слышал только от кого-то (меня тоже отстранили от дел в области ракетной техники), что Королев несколько лет провел в ссылке, и лишь во время Великой Отечественной его вернули снова в Москву и снова поручили заниматься реактивной техникой, организовывать по существу заново проектирование и создание советских ракет. Нас ведь в этом деле обогнали немцы. Например, построили и использовали для бомбардировки Англии знаменитые ФАУ. Да и американцы тоже. Мне говорили, что у Королева теперь есть крупное КБ (Конструкторское бюро)

¹ ГИРД — Группа изучения реактивного движения ЦС Осоавиахима СССР, созданная Ф. Цандером и С. Королевым в 1930 г.

и, самое главное — есть успехи в решении поставленной перед ним задачи. Что конкретно им и его сотрудниками было сделано, мне известно не было: его КБ засекретили накрепко...

Между тем Корнеев продолжал говорить мне по телефону так же тихо. Мне было еле слышно, что он говорил, но все же я разобрал и запомнил его слова.

— Прошу вас, о чем я скажу, никому не передавать. Дело в следующем. Сергей Павлович узнал, что к месту падения Тунгусского метеорита снова направится научная экспедиция. Кулик, как вы, наверное, знаете, погиб в плену у фашистов. Сергей Павлович заинтересовался предположением, что там, в Сибири, не метеорит упал, а взорвался корабль из космоса или еще чей-то ракетный летательный аппарат. Так вот, когда вы были там вместе с Куликом — нашли ли вы какие-либо осколки, остатки этого аппарата? Или ракеты?

— Нет... Ничего не нашли. И другие экспедиции Кулика, а он дважды снова побывал там до войны, — ничего не обнаружили. Ни на поверхности, ни в шурфах, которыми проверяли ямы-кратеры на болотах в «Стране мертвого леса». Так мы называли район падения Тунгусского метеорита.

— А хорошо они искали?

— Думаю, что хорошо... Однако следует отметить, что раскопками охвачена была лишь часть территории, над которой произошел взрыв метеорита...

— Или корабля инопланетян?

— Есть такая гипотеза. Ее высказал писатель Казанцев.

Корнеев немного помолчал и затем сказал:

— Планы Сергея Павловича мне неизвестны. Я доложу о том, что вы сообщили... Если будет необходимость, позвоню еще. Спасибо. И напоминаю — о нашем разговоре — никому... Ни слова...

Лишь через много лет, уже после смерти Королева, имя его было рассекречено и все узнали, кто такой «Главный конструктор», под руководством которого были созданы раньше других стран межконтинентальные баллистические ракеты, способные нести атомные боеголовки, а также и ракеты-носители, доставлявшие в космос спутники с животными и приборами, а потом и с человеком на борту. Узнал я от его сподвижников, что тогда, после ночного разговора с Корнеевым, он послал-таки своего специалиста искать осколки Тунгусского метеорита. Видимо, думал Сергей Павлович, если бы они нашлись (а их так и не нашли до сих дней еще многие экспедиции), и вдруг — оказались не метеоритным железом, а каким-нибудь неизвестным на Земле искусственным материалом — он смог бы разгадать его состав, его компоненты и сделать огромный прорыв в познании Вселенной и для развития отечественной науки и техники, в том числе по своей специальности — реактивной!..

Впрочем, тайна Тунгусского метеорита и в наши дни еще до конца не раскрыта. Многие ученые считают, что над сибирской тайгой взорвалось ядро заблудшей кометы. Но есть и другие предположения... Может быть, «гостем из космоса» все же был корабль, построенный разумными существами?

Откровенно говоря, я не верю таким гипотезам, как и не верю в то, что НЛО, то есть всякие «летающие тарелки» и т.п., есть явления того же порядка или, точнее, космического происхождения...

Слишком далеко от нашей старушки Земли те звездные системы, где, возможно, теоретически появилась жизнь вообще, и в процессе развития — разумные существа. Слишком далеко! Со скоростью света — константы 300 тысяч километров в секунду, — надо лететь до этих звездных систем, используя фотонные (световое давление) ракеты — годы и годы, столетия, а может быть,

и тысячелетия. А передвижения «моментальные» через переход в другое измерение — четвертое или сороковое — безразлично — с моей точки зрения, лишь математическая модель — абстракция. А попросту говоря — вздор.

Но... Почему не помечтать о встрече с разумными существами звездных цивилизаций? Ведь Циолковский был уверен в их существовании. А он был одним из немногих гениев в истории человечества.

...Мечта помогает жить... Она имеет какую-то вроде бы материальную силу. Точнее, придаст силы действия тому невероятно сложному, что творится под черепной коробкой человека. Ведь он всегда думал о будущем, всегда был, как теперь говорят, «футурологом»... Вначале совсем наивным, объяснявшим грозу или большое дерево. Потом придумал рай и ад... Теперь пытается прогнозировать будущее, опираясь на то, что принесла научно-техническая революция... И еще принесет наука, иными словами — на разум...

И поэтому мне лично очень дороги те писатели, те литераторы, которые, опираясь в своем творчестве именно на науку, создают произведения с прогнозами — мечтами о будущем — футурологические.

Александр Петрович Казанцев — один из них. Много он сделал в этой области, слава богу... И продолжает делать...

К великому сожалению, рано ушел из жизни другой замечательный писатель-фантаст — Иван Антонович Ефремов. О нем я и продолжу этот свой рассказ-воспоминание. Но до того несколько вступительных слов.

...В среде литераторов с давних пор стихийно образуются группы... Нет — не ради «групповых интересов», чтобы помогать друг другу печататься, например, или «завоевывать» те или иные общественные и административные эфемерные, в конечном счете, высоты в иерархии Союза писателей, то есть за «власть».

Нет. Группы эти «по интересам», творческим контактам их разумов...

В какой-то степени это вроде знаменитой «Зеленой лампы» классиков или группы «Серапионовы братья» в начале двадцатых годов в России...

В послевоенные годы такие творческие неформальные объединения появились в Союзе писателей, в частности, в Московской его организации. Я думаю, что это полезные и нужные общественные образования. Ныне их можно было бы назвать «неформалами».

Так вот, в сороковые годы несколько литераторов, увлеченных проблемами науки, «не формально», а на основе своих творческих замыслов и личных симпатий или расположенности были объединены около писателя, инженера Александра Петровича Казанцева и талантливого литератора-публициста, тоже инженера — Владимира Ивановича Орлова... Орлов в то время редактировал журнал «Техника — молодежи», реформировал его, безуспешно пытаясь сделать его интересным и нужным для молодежи.

Назову основной костяк этой «группы». Помимо, так сказать, лидеров в нее входили Владимир Немцов, Борис Агапов, Кирилл Андреев, Вадим Охотников, Олег Писсаржевский, Виктор Болховитинов, Александр Буянов, Василий Захарченко, Александр Беляев, Абрам Палей, Борис Ляпунов и автор воспоминаний.

Ляпунов, как и Буянов, тогда еще не были членами писательского Союза. Но Борис с юношеских лет серьезно интересовался новой техникой...

У меня, например, чудом сохранилось его письмо, пересланное мне на фронт из Москвы в 1943 году. Вот несколько строчек из этого послания от совершенно незнакомого мне тогда человека.

«Уважаемый Виктор Александрович!

Я с 1932 г. работаю в области реактивного движения. Очень интересуюсь также вопросами изучения стратосферы. Мною собрана обширная библиография (свыше 3000 названий) и на основе ее выполнен ряд отдельных работ, объединенных в сборнике «Реактивное движение»¹.

...Мне очень хочется установить с Вами связь, сообщить все подробности о своих работах, посоветоваться о дальнейшей работе. Жду Вашего ответа. Уважающий Вас Б.В. Ляпунов». г. Киров, 22.IX — 43 г.

Вздыхнул я, прочитав это письмо в землянке на Волкове.

Лично с Борисом Валериановичем Ляпуновым я познакомился уже после войны. Вскоре он стал активным участником пропаганды ракетной (реактивной) техники. За полтора десятка лет выпустил более двадцати хороших книг на тему о ракетах, их возможностях, а потом и о первых шагах изучения космического пространства, спутниках, полете Гагарина...

С нашей неформальной группой, впоследствии образовавшей костяк секции «научно-художественной литературы» в Союзе писателей в Москве, вскоре сблизился Иван Антонович Ефремов. Снова Его Величество Случай способствовал этому...

Однажды утром, когда Казанцев выбегал на свою ежедневную утреннюю прогулку, мы столкнулись во дворе дома, где жили на Ломоносовском проспекте — тогда окраинном в городе, и Александр Петрович спросил меня:

— Ты читал что-нибудь Ефремова?

Я пожал плечами... Слышал о нем, о его рассказах... Но читать их не приходилось...

¹ Сборник этот был составлен и выпущен Стратосферным комитетом в 1937 г.

— Почитай!.. Это ученый, палеонтолог... Путешественник... Где-то в пустыне Гоби он открыл место, где в земле целые склады костей доисторических ящеров — динозавров...

В тот же день я взял из библиотеки Центрального дома литераторов книжку рассказов Ефремова и вечером запоем прочитал ее.

Во-первых, это были настоящие, яркие литературно-художественные произведения, со зримо для читателя очерченными образами героев. Во-вторых, в каждом рассказе была «спрятана» интереснейшая, своеобразная мысль или научное предположение.

Многие из рассказов запомнились накрепко. Почти сорок лет прошло с того вечера, а я, например, не могу забыть рассказ о том, как ученый-палеонтолог, исследуя скелеты миллион лет назад обитавших на нашей планете гигантских ящеров, обнаружил... в лобовой кости черепов некоторых круглые дырочки... Они явно не могли появиться «просто так». Они были пробиты. Чем же? Ища ответ на этот вопрос, герой рассказа, палеонтолог, приходит к выводу: ящеры были убиты каким-то оружием, скорее всего пулей, а может быть, и неизвестным нам каким-то другим оружием. И приходит к выводу, что на Земле в те почти непредставимо дальние годы были (прилетали из космоса?) какие-то существа, которые обладали этим оружием... Другими словами, побывали «пришельцы» — технически весьма оснащенные инопланетяне...

Наутро я позвонил Казанцеву и сказал ему, что с Ефремовым нам надо обязательно познакомиться.

— А я с ним уже довольно давно знаком и готов тебя познакомить, — ответил он.

Ефремов в то время хворал чем-то и тем не менее вскоре пригласил приехать к нему.

Помнится, у него была небольшая двухкомнатная квартирка, с широким коридором, заставленным по сте-

нам шкафами. В маленьком кабинете ученого тоже стояли несколько шкафов, за стеклами которых книги, образцы горных пород, кости животных. На письменном столике у тахты, покрытой полосатым паласом, стопка бумаги и чернильница... Больше ничего...

— Виновник появления моего «Гостя из космоса», — представил меня Ефремову Казанцев.

С тахты поднялся плотный, с немного одутловатым большим лицом, шатен и крепко, очень крепко (сразу я почувствовал его силу) пожал мне руку.

— Милости просим... Садитесь... Я немного нездоров... Сердце... И... вообще... Извините, что не вышел встретить, — сказал он. — Сейчас попросим хозяйку приготовить чай...

Мы с Казанцевым, конечно, почувствовали, что не следует отягощать хворого человека своим присутствием долгое время, от чая отказались и пробыли у Ефремова, может быть, всего с полчаса. Все же мы успели заручиться его согласием побывать на обсуждениях произведений в жанре научной фантастики, которые устраивали в Центральном доме литераторов — секцией научно-художественной литературы, и вообще, о постоянных контактах с нашей группой.

Иван Антонович говорил мало. Мне очень хотелось расспросить его об экспедициях в Монголию и Китай. Но я удержался и спросил только — предполагает ли он писать что-либо еще в жанре научной фантастики?

— Может быть... Если силы позволят, — ответил он... Но знаете ли, меня очень увлекают некоторые иные темы... Исторические... Может быть, в этой области тоже допустимо... несколько фантазировать?.. Прошлое — ведь должно быть интересно для будущего? Не так ли?

Большой разговор в плане этих вопросов у меня с Ефремовым состоялся через некоторое время.

Он позвонил сам, сказал, что хотел бы поговорить о своей новой работе.

На этот раз мы с ним пили чай с экзотическим вареньем из облепихи и беседовали весь вечер.

Иван Антонович в общих чертах обрисовал мне замысел романа, который начал писать... «Туманность Андромеды».

...На небесной сфере, как известно, можно наблюдать и гигантские облака газа — туманности, и скопления миллиардов звезд, которые даже в сильные телескопы представляются, «выглядят» как туманности. Большое скопление звезд, именно видимое, как туманность, в созвездии... названо «Туманностью Андромеды». Это одна из бесчисленных галактик, по своему материальному составу подобных нашей — образующей гигантское скопление звезд — Млечный Путь.

— Я очень высоко ценю размышления о Вселенной Константина Эдуардовича Циолковского, — сказал мне тогда Иван Антонович, начиная разговор. — И согласен с ним — «калужским мечтателем», в том, что она должна быть населена разумными существами. Пусть лишь в планетной системе каждой одной из миллиарда звезд, подобной нашему Солнцу! Но должна! В масштабах даже познаваемой Вселенной, ведь, видимо, миллиарды галактик... В ней должны были зародиться жизнь и разум, существа, обладающие способностью мыслить...

Вы понимаете, что почти непредставляемо огромные расстояния между очагами обитания таких существ, назовем их тоже людьми, обусловили изоляцию друг от друга. Но... Почему не допустить как фантастическое предположение, что они, эти люди Вселенной, все же нашли средства общения между собой? Как-то грустно думать о том, что мы навсегда в одиночестве и никогда, никогда не сможем встретиться с инопланетными цивилизациями...

Сказав это, Иван Антонович некоторое время молчал. Мне не хотелось встречать со своим скептическим мнением по этому вопросу неизбежного одиночества.

Махнув сильной, тяжелой рукой, хорошо знакомой с лопатой и топором путешественника, точно рубанув, отсекая именно эти мои мысли, Ефремов продолжал:

— Казанцев, да и не только он, придерживаются убеждения, что «они» могут достичь до нашей планеты... И я не отвергаю нацело логичного предположения, что гигантский метеорит, взорвавшийся за Подкаменной Тунгусской, там, где вам довелось побывать с Куликом — об этом Александр Петрович мне рассказывал, — был потерпевший катастрофу инопланетный корабль...

Я хочу верить и верю, что наше человеческое общество в конце концов достигнет очень больших успехов и в жизнеустройстве своем в овладении не представляемыми еще нами ясно высотами техники на основе прогресса науки...

Вы простите меня, Виктор Александрович, я говорю немного выпренно, как-то лозунгово. Но именно вера в прогресс, благодаря разумности человека, приведет на Земле к тому социальному устройству, что вы, коммунист, исповедуете своей идеологией... Предполагаю, что на нашей планете, да и, возможно, не только на ней, возникнут почти совершенные человеческие общины. Вот о такой — пусть она именуется коммунистической, таким, как его видят сейчас перед собой вы и миллионы людей на Земле, — мне нестерпимо и хочется написать... Нет, не философское исследование. На такое дело я не готов пойти. Хочу написать роман, фантастический роман!

— Вы так горячо говорите о будущем человечества, что, наверное, напишите! Желаю вам полного успеха и верю — этот успех достигим...

Иван Антонович покачал головой. Как-то неуверенно улыбнулся. Постучал пальцем по деревянной столешнице.

— Дай боже нашему теляти волка съесть! Но, откровенно говоря, я все же серьезно надеюсь, что сдую! И знаете, кто меня довел до таких планов? Помимо общей глубоко-человечной идеи социализма-коммунизма? Вернадский Владимир Иванович, Вернадский. Вы знакомы с его теорией, глубоко научной, о том, что человечество, развиваясь, неизбежно переделывая планету, придет в «ноосферу»? То есть создаст сферу Разума...

— Я читал его статью на эту тему. Очень интересная им высказана идея...

— Больше того — гениальная! вспомните, Мальтус писал, что человечеству грозит перенаселение Земли, и поэтому — гибель. Эта угроза действительно существует. Следовательно, человек разумный должен искать выход... Циолковский предлагает заселить околосолнечное пространство. Вернадский — рационально организовать «потребление» природных ресурсов. Вот о том, как бы можно устроиться, я и хочу помечтать.

Уже горели на улицах Москвы вечерние фонари, когда я шел к ближайшей станции метро. И думал... О том, что все же мне в жизни очень повезло со встречами с людьми, которые есть «соль земли», людьми неординарными, ищущими, по-настоящему творческими и сильными! Циолковский, Королев, Кулик, Несмеянов, Ветчинкин... Это ученые... Фадеев, Довженко, Твардовский, Гоголева, Ливанов и многие другие замечательные выразители нашей культуры... Казанцев и Ефремов идут вместе с ними в моей памяти...

Похрустывал тонкий ледок на схваченных к вечеру морозом лужицах. Вереницей убегали вдаль улиц красные огоньки стоп-огней машин... Прохожих было мало. Предзимний ветер остро бил в лицо.

И вот подземные, светлые залы станции метро. Действительно самого лучшего в мире, самого впечатляющего. Они, как визитная карточка будущего в настоящем... Во многих странах, где мне довелось побывать, такой «подземки» нет.

И мне вдруг вспоминается, что в одном из своих романов Александр Казанцев описал станцию подземки в будущем. На стенах перронов ее были огромные экраны, не картины, а именно экраны, на которых в цвете демонстрировались кадры видовых кинофильмов. Это было предвидением развития телевидения...

Лишь через много лет появились такие экраны, созданные, если не ошибаюсь, японцами...

Научная фантастика писателя Казанцева стала реальностью.

А тогда я подумал: «Ох, как далеко еще до такого оформления станций метро, если вообще возможно “развернуть” экраны телевизоров во всю стену!»

...«Туманность Андромеды» Иван Антонович Ефремов написал. И вот у меня в руках эта книга... Мне очень некогда, дел невпроворот. И все же не могу не начать читать ее.

Так вот оно каким может быть — будущее человечества, увиденное умным и добрым человеком!

...Люди освоили еще много планет. Люди почти не знают болезней. Что такое голод или плохое жилье, или одежда тоже. Социально объединены мудрыми правилами общежития и социальной защищенности... раздвинули горизонты знания. Они не разделены по национальному признаку. Но они — разные... Трудятся, и труд для них — радость... Творчество... Однако потому что все же люди разной индивидуальности, бывают между ними конфликты... Морально-этические. Они бывают даже и несчастны... Происходят и случайные трагедии. Потрясают катастрофы...

...Наша старушка Земля «переделана». Используется каждая ее пядь... Но... Люди не могли бы жить, наверное, без естественной природы, без красоты ее ландшафтов, красоты восходов и закатов, плеска волн, шелеста листьев дубрав. Щебета и песен птиц. Гудения пушистых шмелей над цветами в разнотравье...

Поэтому в разных странах, на всех континентах — везде оставлены большие территории, не тронутые цивилизацией, заповедные земли. Туда прилетают отдыхать люди. Там можно как бы превратить в реальность родовую память человечества...

Лишь в самых общих чертах в этих нескольких строках пересказано содержание романа Ефремова... Но поверьте: читая его, современный человек увидит возможное будущее, реальные возможности человечества, претворившего идею социализма, коммунизма в явь почти совершенной жизни... И подумает: «Как все же велики возможности человечества...» По моему мнению, «Туманность Андромеды» — лучшее футурологическое произведение нашей художественной литературы.

«Туманность Андромеды» была хорошо встречена читателями и критикой. Роман этот был переведен на многие языки.

Мне довелось беседовать с известным французским писателем Роже Икором (к сожалению, его произведения у нас не переводились). Он сказал: «Роман, месье Ефремофф, мне понравился смелым полетом научной, творческой мысли».

Другой французский деятель культуры, очень известный кинорежиссер Рене Клеман (некоторые его фильмы, например, «Битва на рельсах», были в СССР в прокате) высоко оценил «Туманность Андромеды» как материал для сценария...

«Я взялся бы поставить фильм по этому роману... Только у нас трудно будет собрать денег на съемки...»

Фильм по роману «Туманность Андромеды» поставили на Киностудии им. Довженко в Киеве. К сожалению, кинематографическая версия произведения Ефремова получилась довольно-таки бледным переложением прекрасного романа. Жаль...

Иван Антонович, видимо, по складу своего характера, активно почти не участвовал в суетливой, часто излишне говорливой деятельности творческих секций Союза писателей. На обсуждениях книг появлялся редко. Но не только из-за особенностей характера «домоседства». Он очень много, очень напряженно работал за своим столом. И результатом этого были новые книги. В последние десятилетия своей жизни Ефремов «выдал на гора» несколько крупных романов, например, «На краю Ойкумены» и «Час быка», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская» и другие. Это были своеобразные произведения, в которых летящая мысль фантаста и философа часто сочеталась с реалистическим рассказом о далеком прошлом, событиях исторических. Все они отличаются превосходным языком и глубоким знанием истории, того, что было когда-то и, в то же время, интересными сюжетными ходами. Читать романы Ефремова можно было безотрывно, запойно... Людям любого возраста начиная с юношеского. И почти во всех этих романах явственно просвечивали мысли ученого-философа... И были те или иные, прогнозирующие будущее, возможное будущее... Как и в романах Казанцева. Поэтому и назвал я в своем рассказе их футурологами, то есть исследователями будущего!

В эти годы время от времени мы встречались с Иваном Антоновичем. И чаще всего в том или ином плане в беседах размышляли о дальнейших путях прогресса человечества. Он был оптимистом в таких размышлениях, во многом смыкаясь в своем мировоззрении с теми

идеями, которые высказывал великий ученый академик Вернадский, в том числе его теорией «ноосферы».

В тот период в жизни Ефремова произошли тяжелые события. Помимо обострения его болезней он подвергся незаслуженной, предвзятой критике в нашей печати. Более того, с подачи, очевидно, нехороших людей, завистников, — а зависть к таланту и успехам собрата, к несчастью, проявляется часто, — Ивана Антоновича стали обвинять в официальных «инстанциях» в несовершенных им неблаговидных поступках, в неправильном поведении за границей во время путешествий в Китай и Монголию и т.д.

Дело дошло до того, что явно тупой бюрократ-прокурор дал санкцию на обыск в квартире ученого!

Обыск и «беседы» в правоохранительных органах никакого «компромата» не дали. Ефремова оставили в покое. Но... Клевета ведь и потому еще вредна, что даже после ее разоблачения в судьбе, в жизни оклеветанного часто остается липкая паутина...

Ивану Антоновичу эта история стоила ухудшения здоровья...

Но он продолжал работать, писал... До последних дней.

...В одной из последних встреч и бесед Иван Антонович вдруг заговорил снова о давнем разговоре, связанном с Тунгусским метеоритом и гипотезой Казанцева о том, что взрыв метеорита над сибирской тайгой в междуречье рек Подкаменной Тунгуски и Хатанги был следствием катастрофы космического корабля инопланетян.

Однако не об этой гипотезе заговорил Ефремов. Он рассказал мне, что до сих пор не раскрытая научная тайна внезапной гибели, исчезновения в исторически короткий срок с лица Земли целого класса доисторических животных — ящеров-динозавров, может быть

связана с ударом о нашу планету миллионы лет назад сверхгигантского «космического гостя» — огромного метеорита.

— Появилась такая гипотеза у палеонтологов, — сказал Ефремов. — Взрыв его потряс планету. В атмосферу было выброшено гигантское количество пыли. Солнце затмилось на долгие годы и климат Земли резко изменился. Этой перемены не выдержали ящеры...

— Мне думается, что такое предположение допустимо... Как ни кажется гипотеза фантастической!

Гости из космоса реальные были — ежедневно посещают нашу планету мириадами мелких материальных частиц — метеоритов, — и будут. А тайна их еще не раскрыта наукой до конца. ...Этим мне и хочется завершить рассказ-воспоминание о двух научных фантастах, настоящих футурологах.